

ГЛОБАЛЬНОЕ ДИСКУРСИВНОЕ ПРОТИВОБОРСТВО

GLOBAL DISCURSIVE CONFRONTATION

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-2-167-178

Научная статья / Research article

Сила гегемона: роль дискурса

Пиотр Дуткевич

Карлтонский университет
С679 Леб, Оттава, Канада
piotr.dutkiewicz@carleton.ca

The Power of Hegemon: the Role of Discourse

Piotr Dutkiewicz

Carleton University
С679 Loeb Building, Ottawa, Canada
piotr.dutkiewicz@carleton.ca

Аннотация. В статье исследуется один из центральных вопросов современного международного дискурса: как поддерживается мировой порядок, как он меняется, переосмысливается или трансформируется в глобальный беспорядок и конкуренцию между великими и малыми державами? Традиционная оптика, используемая для рассмотрения этих вопросов, – это «гегемония» или «господство». В статье обсуждается, как концептуализируется гегемония, какие ресурсы мобилизуются (материальные, дискурсивные, институциональные и перформативные) для поддержания гегемонии и как выглядит нынешняя шахматная доска геополитики с точки зрения роста и заката держав. Используя метафору сошедшего с рельсов поезда, мы, тем не менее, предлагаем и оптимистичный вариант развития событий. Во-первых, мы движемся от однополярного к полицентричному миру. Во-вторых, новый мир будет менее разделенным, поскольку будет основан на макрорегиональных договоренностях. В-третьих, межрегиональные договоренности будут более цивилизованными и, следовательно, менее подверженными конфликтам. Наконец, в целях выживания они скорее будут склонны добровольно поддерживать тесные связи с другими макрорегионами, делая систему более стабильной, чем сегодня.

Ключевые слова: мировой порядок, глобальный беспорядок, гегемония, дискурс, политическая онтология, полицентричность, негосударственный акторы гегемонии

© Дуткевич П., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

История статьи: Поступила в редакцию 02.02.2020. Принята к публикации 12.02.2020.

Для цитирования: Дуткевич П. Сила гегемона: роль дискурса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 2. С. 167–178. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-2-167-178

Благодарности: Исследование проведено при поддержке проекта РУДН 5-100.

Abstract. This paper explores one of the central issues of current international discourse : how is world order sustained and maintained, is it shifting and changing, is it being reinvented and reimagined, or are we on the cusp of global disorder and competition among great and small powers? The conventional lens used to examine these questions is that of ‘hegemony’ or ‘dominance.’ This paper discusses how hegemony is conceptualized, what kinds of resources are mobilized (material, discursive, institutional, and performative) in maintaining hegemony, and what the current chessboard of geopolitics looks like in terms of rising and falling powers. Despite a chaotic picture of the train derailed there is also an optimistic end of that story. First we are moving from a unipolar to the polycentric world. Secondly that new world will be less dramatically divided as it will be based on macro-regional arrangements. Thirdly multi-regional arrangements will be closer civilizationally and thus less prone to conflicts. Finally – in order to survive – most probably they will voluntarily keep close ties with other macro-regiond making the system more stable that today.

Keywords: world order, global disorder, hegemony, discourse, political ontology, polycentricity, non-state actors of hegemony

Article history: Submitted on 02.02.2020. Accepted on 12.02.2020.

For citation: Dutkiewicz P. The Power of Hegemon: the Role of Discourse. *RUDN Journal of Political Science*. 2020; 22 (2): 167–178. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-2-167-178

Acknowledgments: The article has been prepared with the support of the «RUDN University Program 5-100».

Конец знакомого мирового порядка, или Поезд, сошедший с рельсов

Поезд устоявшегося мирового порядка сошел с рельсов, и его машинисты – транснациональные элиты – в панике. Поезда в этом контексте – это политические акторы глобальной политики различного типа: это и национальные государства, и международные организации, и неправительственные организации, сетевое общество и мировая экономика в целом. Их объединяет то, что все они потеряли управляемость, а лица, ответственные за принятие решений, действуют *ad hoc*, иррационально и непредсказуемо. Такую политику, как, например, политика президента США Д. Трампа в отношении Китая, было невозможно представить еще два года назад. Все изменяется, и привычные политические формы трансформируются настолько, что от них остается одно название. Означающее и означаемое расходятся все дальше, рождая новую политическую онтологию [1]. Нынешние национальные государства только напоминают по форме государство, которое мы знали, но где

их суверенитет? Какое место занимает гражданин? Власть? Где политика как проблема выбора того, что должно быть сделано? Все это на наших глазах уходит. Ключевая проблема западных стран в том, что в ходе глобализации они утратили монополию на перераспределение ресурсов в пользу внешних сил. И весь мировой порядок, построенный на принципе национальной государственности, перестал функционировать.

В нашей железнодорожной метафоре под поездами мы понимаем государства и международные институты и практики, а под рельсами – развитие. Причем в нашем понимании развитие – это движение в сторону устойчивого и, возможно, более справедливого распределения труда и экономического и социального блага. Но такое понимание развития лишь одно из многих возможных. Для неolibералов развитие – это воля рынка, который определяет все. В их понимании свободный рынок сам отрегулирует все общественные отношения и все социальные проблемы, им же порождаемые. Однако то, что работало в рамках национальных государств, не срабатывает в глобальном масштабе. Неolibеральный подход сталкивается с ограничениями, ведь глобальный рынок не решает глобальных проблем – проблем экологии, бедности, эпидемий. А глобальное гражданское общество, на бурное развитие которого сильно рассчитывали в начале 2000-х [2], не имеет для этого никаких сопоставимых ресурсов.

Наш поезд национального государства и мировой экономики разделен на три класса. Первый класс – это люди, которые уверены, что могут справиться с любой задачей. Эти пассажиры настолько богаты, что этим восьми человекам принадлежат 2/3 мирового богатства, согласно отчету Oxfam 2018 г. А в 2019-м этих пассажиров стало не восемь, а семь, и им принадлежит уже 3/4 мирового богатства. Некоторые из них зарабатывают 60–70 млн долл. в минуту.

Второй класс – это то, что мы пока еще привычно называем средним классом. К нему принадлежат и люди, а в глобальном масштабе и целые государства, относящиеся к развитому миру, которые стремятся продолжать следовать привычному стилю жизни, и многим это удастся. Это около 10–15% мирового населения. Их положение пока довольно стабильно, но они испытывают осязаемое беспокойство от понимания, что для того чтобы жить привычным образом и оставаться во втором классе, они вынуждены работать гораздо больше. За последние 20 лет американский средний класс потерял 1/3 реального дохода.

Третий класс – это все остальные, те, кто живет на грани выживания, включая бедные и беднейшие слои. Они составляют около 2/3 населения земного шара.

Общеизвестен негативный эффект глобализации: она сделала богатых богаче, а бедных беднее. Однако несмотря на то, что после глобального кризиса 2008 года темпы глобализации снизились до состояния, которое позволяет говорить о деглобализации или, по крайней мере, о спаде глобализаци-

онной волны, с 2014 года расслоение идет еще более быстрыми темпами, и многие «пассажиры» переходят в третий класс, где царит отчаяние и политике уже нет места.

В первом классе есть пространство для политики. Пассажиры встречаются и периодически пытаются договориться о траектории поезда, о будущем этого мира. Они ездят на этом поезде в Давос, Нью-Йорк, Шанхай и Москву. Но пассажиры третьего класса оказываются вообще вне этих дискуссий. Расслоение и эксклюзия правят бал. Двери между первым, вторым и третьим классом, конечно, есть, но они почти не открываются.

В третьем классе рождаются стихийные события, которые ничего общего не имеют с политикой. Там не планируют на отдаленную и среднесрочную перспективу, не думают о частных и коллективных интересах и стратегиях их достижения, там думают только о сегодняшнем и, максимум, завтрашнем дне. Отсутствие политики выливается в стихию, в бунт, в «желтые жилеты» и протесты, которые сложно предсказать. Бунт их децентрализован и фактически не управляем. Они просто бросают булыжники в кондуктора, который не пропускает их во второй класс.

Пока этот поезд шел по рельсам социально-экономического развития, он имел хоть какую-то устойчивость и управляемость. Инерция движения придавала всем общий вектор. Была политика, пассажиры первого и второго классов предпринимали определенные усилия, чтобы пассажиры третьего не бунтовали. Сейчас это закончилось, и все нынешние социально-политические процессы укладываются в логику социального эгоизма.

Почему это произошло? Проблема управления приходит на ум прежде всего. Пассажиры первого класса думали, что проблемы с управляемостью связаны с некомпетентностью управляющих – политических лидеров, которые нуждаются в дополнительной интеллектуальной и экспертной поддержке. Для этого была создана группа Т20 – двадцатка самых влиятельных мозговых центров, которые дают советы всем, кто этого хочет и не хочет: G7, G20, участникам Давосского форума, Международному валютному фонду, правительствам национальных государств, в том числе и России. Т20 или Think 20 – сеть исследовательских и интеллектуальных центров политических консультаций при G20, куда из российских и пророссийски ориентированных центров входят ВШЭ, Сколково, Валдайский клуб, DOC Research Institute.

Их цель – стимулировать инновации в политике, чтобы помочь лидерам G20 решать насущные глобальные проблемы и стремиться к устойчивому, инклюзивному и жизнеспособному обществу. Приоритетные темы стратегии 2030 – Цели устойчивого развития, принятые Т20 в 2019 году, направлены на создание общества, «которое никого не оставляет позади»: это международная финансовая архитектура для поддержания стабильности и развития/криптоактивов и финансовых технологий; изменение климата и окружающая среда; экономические следствия инвестиций в инфраструктуру и их финансирование; сотрудничество с Африкой; социальная сплоченность, глобальное управление и будущее политики; будущее рынка труда и образо-

вания в цифровую эпоху; торговля, инвестиции и глобализация; старение населения и его экономические последствия плюс проблемы иммиграции.

Несмотря на то что эта внушительная сеть интеллектуальных центров – всего в нее входит более 360 институций – активно работает с 2012 года, их советы пока никому не помогли. Эти стратегии верны и справедливы только в определенном контексте, в первую очередь контексте национального государства и неолиберальной глобализации, вне его они не работают. Таким образом, проблема управляемости – это не проблема лидерства.

В конце первой декады XXI века были определенные надежды на то, что лидеры мирового политического процесса после глобального кризиса очнутся и пересмотрят свои подходы. Это произошло в результате мирового кризиса 1929 года, когда «Новый курс» Рузвельта (New Deal) восстановил государственное регулирование экономики, а также после 1968 года, когда тетчеризм и рейганизм существенно скорректировали экономическую и социальную политику, проводимую в англосаксонском мире. После же кризиса 2008 г. никто не очнулся. Неолиберальная глобализация продолжила свое приостановившееся было бурное развитие. Выводы не были сделаны, мы как будто ничему не научились. В результате глобализация завела мир в гущу противоречий: универсализация vs идентичность, богатство vs бедность, государство vs рынок, власть vs политика [3], создав патовую ситуацию. Это системные противоречия, которые нельзя решить, не выходя за рамки системы.

Противоречия в нашем поезде повсеместны: между первым и третьим классом, между пассажирами первого класса и машинистом. Ведь реально власть оказалась в руках пассажиров первого класса, а не у машиниста, который, тем не менее, находится у руля. Разрыв между властью и политикой произошел очень заметно, как писал З. Бауман [4, 5].

Одна из главных проблем – противоречие между глобализацией и идентичностью – важна еще и в том смысле, что политика идентичности ведет к отчуждению от мировой системы. Она буквально разрывает вагоны второго и третьего класса. Они расходятся по своим этническим и религиозным купе и не могут договориться об общих целях и действиях по защите общих интересов. Лидер уже не может их мобилизовать ни для каких политических целей, в том числе для того, чтобы вернуть поезд на рельсы. Повторимся, что указанные противоречия объективны фундаментально не разрешимы в рамках существующей системы без более радикальных мер.

Отдельной и важной проблемой является легитимация власти. До сих пор власть легитимизировалась через определенные позитивную социально-экономическую динамику. Сейчас легитимность в первую очередь основывается на страхе как онтологическом ядре политики [6]. Легитимность мирового порядка также меняется. Раньше она основывалась на демократической политике. Сейчас она оказалась не нужна. Мы теряем смысл политики: не за что бороться кроме своих мелких, частных интересов, соответственно, нет основы для политической консолидации, агрегации интересов.

В связи с этим встает проблема политической гражданственности. Гражданин как человек, принадлежащий к постоянному населению данного

государства, пользующийся его защитой и наделенный совокупностью политических и иных прав и обязанностей, уже ушел в прошлое. Одним из главных факторов размывания гражданственности в современном мире стали масштабные миграционные процессы. По словам И. Крастева, «демократия объявила открытую войну либерализму», что выражается в «демонизации политической оппозиции, дискриминации меньшинств и подрыву системы сдержек и противовесов» [7]. Демократия обернулась популизмом. Таким образом, вероятно, демократия становится не только не нужна, но даже вредна для преодоления этого состояния мировой политики, близкой к хаосу.

У политических лидеров возникает вопрос, куда двигаться дальше в отсутствие «рельсов» – определенности целей, принципов и процедур. Очевидно, что на глобальном уровне формирование легитимного мирового порядка на парадигмально новых основаниях (а мы настаиваем, необходим радикальный выход за рамки сложившейся системы) сейчас невозможно. Не случайно мы видим массу работ о конце мирового порядка, авторы задаются вопросом о контурах нового, однако представление о нем может быть только в терминах неопределенности [8], текучести [9], гибкости.

Но преодоление глобальной неопределенности возможно в макрорегиональном формате через становление нового типа гегемоний. Гегемония – это ситуация, в которой концентрированные материальные ресурсы консолидируются сильным лидером. Как подчеркивает А. Малащенко, «реальным плюсом, а не просто “игроком” на международном поле может быть только субъект высокой степени консолидации» [10]. В ситуации гегемонии и лидер, и его политический и экономический курс принимаются большинством населения, а это требует большого идеологического компонента.

В книге «Hegemony and World Order: Reimagining Power in Global Politics» [11] мы рассматриваем ситуацию, когда будет предпринята попытка создания порядка в беспорядке. Здесь я делюсь еще несколькими идеями о борьбе за региональную и глобальную гегемонию, часть из них уже высказывалась нами ранее [12]. Нынешняя борьба за гегемонию – или, точнее, гегемонии, поскольку они расположены в различных экономических, политических и социальных сферах, – это не только очевидный факт; это императив для ключевых региональных и глобальных государственных и негосударственных субъектов, чтобы не только выжить в условиях жесткой конкуренции, но и для поддержания существующих иерархий, неравенств и структур. Обеспечение гегемонии является накопленным результатом всех многочисленных и взаимосвязанных процессов, описанных выше.

Гегемонию можно определить как узаконенное господство существующей власти в определенном ареале, выходящем за границы национального государства. Гегемония функционирует, когда верховная власть управляет обществом иерархически структурированными и легитимными способами. Она обычно охватывает как материальные активы (капитал, военную мощь, пресную воду и энергию), так и нематериальные ресурсы (такие как правила, идеи, формальные и, что важно, неформальные нормы), лидерство в установлении и осуществлении этих правил и, наконец, легитимизацию

мышления, которое убеждает людей в том, что доминирующая власть правит в их интересах.

В связи с этим необходимо, во-первых, дать краткое представление о современном дискурсе гегемонии, ее природе, компонентах, эволюции и акторах, как государственных, так и негосударственных; во-вторых, рассказать о новых стратегиях гегемонии, в том числе о всем спектре материальных и идеологических ресурсов, включая использование больших данных, искусственного интеллекта, идей, знаний и финансов.

Таким образом, гегемония сочетает в себе:

- а) сосредоточенный контроль над материальными ресурсами;
- б) лидерство в установлении социальных норм;
- в) менталитет, формирующий представление о том, что доминирующая власть правит в интересах большинства [13] – контроль над доминирующим дискурсом.

Спектр методологических подходов к концепту гегемонии

Профессор Гетенбургского университета Ян А. Шолте метко подчеркнул, что существует множество подходов к изучению гегемонии [14, 15]. Государственнический подход фокусируется целиком на государстве и его действиях; неолиберальная ориентация ученых заставляет их уделять внимание отношениям капитала и государства, институтам и правилам игры. Грамшианский подход показывает гегемонию как процесс легитимации роли капитала, в этом случае фокус внимания сосредоточивается на отношениях между капиталом и обществом. Постколониальный подход подчеркивает роль империи в легитимации социальных и экономических иерархий, в этом случае внимание уделяется проблемам экономического и политического подчинения одного региона другому. Постмодернистские подходы фокусируются на знаниях и идеях; для постструктуралистов главный фокус проблемы – это дискурс, слова, которые меняют свое значение. Наше исследование охватывает большинство этих подходов.

В постструктуралистских теориях гегемония в мировой политике находится в рамках господствующей структуры знания (по-разному называемой «дискурсом» или «эпистемой»). В этой концепции верховная власть в мировом обществе принадлежит определенному языку и сознанию. Постструктуралисты часто отождествляют просвещенческую рациональность с гегемонистским режимом познания современности, порожденным наукой, образованием, массовыми коммуникациями и т.д. Существуют разные стратегии подчинения, материальные и нематериальные, используя которые можно добиться гегемонии.

Традиционно мы предлагаем два видения развития событий: оптимистический и пессимистический. С точки зрения оптимистов, система региональных гегемоний создаст плюралистический мир, в котором Китай совместно с Россией или без нее станет одним из таких гегемонов, другими гегемонами станут Латинская Америка, США и их «клиенты», потенциально ЕС. Однако

в последнем случае возникает вопрос об их потенциале консолидации. Все эти гегемонии будут иметь тенденцию закрываться, замыкаться на себя.

Идея конвергенции (*catching up process*) в экономике (также иногда называемая эффектом нагнывания) подразумевает, что в результате этих процессов доходы на душу населения в более бедных странах будут расти быстрее, чем в богатых. В результате все экономики должны в конечном итоге сблизиться по уровню доходов на душу населения. С точки зрения оптимистов, среди которых социологи И. Валлерстайн и Б. Сильвер, такая конвергенция будет ускоряться в рамках гегемоний [16]. Это может способствовать достижению мирового равенства в доходах.

С пессимистической точки зрения, во-первых, экономическая конвергенция не достигнет этих целей, а во-вторых, региональные гегемоны начнут сражаться за глобальную гегемонию. В этом случае вопрос будет идти о том, как с помощью гегемонии удержать мировое неравенство. В однополярном мире гегемония служила для легитимации мирового неравенства. В биполярном, по сути, тоже: мир был разделен на первый, второй и третий, как вагоны поезда из нашей метафоры.

Сейчас в мировой политике настоящая сила состоит даже не в обладании ресурсами, а в потенциале нанесения возможного вреда – это так называемая «торговля угрозами». Среди этих угроз и колоссальное неравенство, которое может в любой момент обернуться стихийным бунтом. В связи с этим лидеры находятся в сложнейшей ситуации необходимости единовременного следования взаимно противоречивым стратегиям при отсутствии политической воли для совместного решения проблем.

Однако самая большая проблема – у нас больше нет «рельсов», то есть нет идей. Безусловно, на пороге новой эпохи, которую связывают с индустриальной революцией 4.0., требуется радикально подойти к смене образа жизни, кардинально менять экономику. Но радикальные предложения, рационально обусловленные и антисистемные, лидерами не принимаются из страха, что они не будут восприняты обществами. Вместе с тем они необходимы.

Конкуренция дискурсов

Четырехсоставная типология, разработанная Яном А. Шолте, включающая материальные, дискурсивные, институциональные и перформативные методы, может быть полезна для анализа оснований гегемонии.

Гегемония подразумевает добровольное подчинение сателлитов, так как это придает устойчивость всей системе и несет определенные бонусы всем участникам, удерживая ситуацию от полного хаоса. Но она требует материальных и символических / дискурсивных ресурсов, определяя что плохо и что хорошо. Сегодня мы, подразумевая в данном случае отдельных индивидов и целые общества и даже цивилизации, существуем в собственных «информационных пузырях» или «пузырях фильтров», выражаясь в терминах И. Парайзера. С точки зрения CNN, Euronews, BBC, TV5 Monde мир выглядит одним образом, а каналы Al Arabia и Al Jazeera показывают его совер-

шенно иным. Дискурс задается очень четко и строго фиксируется с помощью новейших информационных технологий.

С помощью дискурсивных практик гегемония обеспечивает законное господство в мировой политике посредством использования языка и смысла. Добровольное подчинение достигается с помощью семантических означающих (например, «сообщество», «демократия» и «справедливость»), которые конструируют высшую силу добра. Точно так же нарративы (например, «прозрачность», «развитие» и «безопасность») выстраивают позитивные сюжетные линии для легитимации структуры господства, формируют дискурс исторической памяти. Таким образом, гегемонистские дискурсы конструируют сознание («режимы истины»), в моральную правоту которого искренне (что очень важно) верят как сами гегемоны, так и их сателлиты. С этой точки зрения, как пишет Е. Чебанкова, «гегемония достигается главным образом через способность определенной цивилизации вызывать позитивный отклик на свои основные ценности в остальном мире, становиться метафизическим вдохновением, примером для подражания и соперником для зависти» [17]. В терминах И. Фихте это способность производить и продвигать определенную культуру (культуру, идеологию и метафизическую среду), которая могла бы претендовать на дискурсивную гегемонию и производить конкретное знание, удовлетворяющее общественное любопытство, невежество и сомнение» [13].

Чтобы как-то преодолеть неопределенность и ресентимент, связанный с растущим неравенством, и неуверенность, связанную с грядущими социально-экономическими переменами, политические лидеры и первый класс внедряют нам миф, что технологии решают все, что индустрия 4.0 и искусственный интеллект могут каким-то образом решить глобальные проблемы человечества. Однако без идеи, в какую сторону движется человечество, никакие инструментальные решения не будут эффективны. Искусственный интеллект лишь инструмент, который может нам помочь, лишь когда у нас будет определенная цель, ресурсы и политическая воля.

Мощнейшие негосударственные акторы гегемонии (non-state hegemonic actors) – старые и новые медиа. Как и транснациональные корпорации, они не могут опираться на государства и приходят к идеям собственной гегемонии. Они рожают никому не подконтрольную ситуацию тотальной транспарентности, аналогичной системе социального кредита в Китае, по сути – это грани одного и того же процесса утраты права человека на частную жизнь, вообще приватности, а на этом понятии построено многое в политике в привычном нам понимании.

Заключение

Мировой порядок стремительно меняется. На место одного, двух или нескольких «полюсов» приходят макрорегиональные объединения транснационального характера – гегемонии, обладающие материальными, дискур-

сивными, институциональными и перформативными методами господства. Сейчас система гегемоний только складывается на фоне продолжающейся разрушаться старой системы мировой политики. Это создает впечатление хаоса, непредсказуемости и полной потери управляемости.

Несмотря на хаотичную картину сошедшего с рельсов поезда, есть и оптимистичный конец этой истории. Во-первых, мы движемся от однополярного к полицентричному миру. Во-вторых, новый мир будет менее резко разделен, поскольку он будет основан на макрорегиональных договоренностях. В-третьих, межрегиональные договоренности будут более цивилизованными и, следовательно, менее подверженными конфликтам. Наконец, чтобы выжить, они, скорее всего, добровольно будут поддерживать тесные связи с другими макрорегионами, делая систему более стабильной, чем сегодня.

Библиографический список

- [1] Мчедлова М.М. Новая гносеология для новой онтологии: изменения концептуальных моделей политического // *Философия политики и права: ежегодник научных работ*. Вып. 5. Политика и политическое / под общ. ред. проф. Е.Н. Мошелкова и проф. О.Ю. Бойцовой; науч. ред. А.В. Никандров и К.И. Кийченко. М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2014. С. 34–50.
- [2] Казаринова Д.Б. Роль международных организаций в формировании глобального гражданского общества // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2010. № 4. С. 116–132.
- [3] Dutkiewicz P., Hovhannisyann A. Contradictions of the world system in the nearest future. An interview with Piotr Dutkiewicz, Professor of Political Science at Carleton University (Ottawa, Canada) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2018. Т. 20. № 2. С. 139–147.
- [4] Bauman Z. *Liquid times: living in an age of uncertainty*. 1st ed. Cambridge: Polity, 2006.
- [5] Bauman Z. *44 Letters from the Liquid Modern World*. 1st ed. Cambridge: Polity, 2010.
- [6] Дуткевич П., Казаринова Д.Б. Страх как политика // *Полис. Политические исследования*. 2017. № 4. С. 8–21.
- [7] Кратев И. Антилиберальная революция в Восточной Европе // *Россия в глобальной политике*. 25 апреля, 2018. URL: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Antiliberalnaya-revoluciya-v-Vostochnoi-Evrope-19535>. Дата обращения: 15.02.2020.
- [8] Haass R. How a world order ends and what comes in its wake // *Foreign Affairs*. Январь/февраль, 2019. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2018-12-11/how-world-order-ends>. Дата обращения: 16.02.2020.
- [9] Bauman Z. *Liquid Modernity*. Cambridge: Polity, 2000.
- [10] Малащенко А. Состоится ли порядок в мире? // *DOC Research Institute*. 2018. 14 ноября. Режим доступа: <https://doc-research.org/ru/2018/11/состоится-ли-порядок-в-мире>. Дата обращения: 16.02.2020.
- [11] Dutkiewicz P., Scholte J.A., Casier T. *Hegemony and world order: reimagining power in global politics*. London: Routledge. Forthcoming 2021.
- [12] Dutkiewicz P. (Re)inventing hegemonies // *DOC Research Institute*. 2018. 7 ноября. URL: <https://doc-research.org/aug19/2018/11/reinventing-hegemonies>. Дата обращения: 14.02.2020.
- [13] Dutkiewicz P. Chaos, fear, and hegemony: Equality and efficiency in the international order // *DOC Research Institute*. 31 июля, 2019. URL: <https://doc-research.org/aug19/2019/07/equality-efficiency-international-order>. Дата обращения: 19.02.2020.

- [14] Scholte J.A. Reinventing global democracy // *European Journal of International Relations*. 2014. Vol. 20. N 1. P. 3–28.
- [15] Scholte J.A. Hegemony and its practices in world politics // DOC Research Institute. 2018. 24 сентября. URL: <http://doc-research.org/aug19/aug19/2018/09/hegemony-practices-world-politics>. Дата обращения: 18.02.2020.
- [16] Silver B.J. Cycles of hegemony and labor unrest in the contemporary world system // Bornschieer V., ed. *Conflicts and new departures in world society*. London: Routledge, 2018. P. 339–359.
- [17] Chebankova E. Western liberalism and Russian left conservatism in search of international hegemony // ECNU/DOC Conference; April, 2019; Shanghai. (Unpublished).

References

- [1] Mchedlova M.M. New epistemology for a new ontology: changes in the conceptual models of the political. In: Moshchelkova E.N., Boitsova O.Yu., Nikandrov A.V., Kiychenko K.I., (eds). *Philosophy of Politics and Law: Yearbook of scientific works. Vol. 5. Politics and political*. Moscow: Center for Strategic Market Studies; 2014: 34–50. (In Russ.).
- [2] Kazarinova D.B. The role of international organizations in the global civil society shaping. *RUDN Journal of Political Science*. 2010; 4: 116–132. (In Russ.).
- [3] Dutkiewicz P., Hovhannisyann A. Contradictions of the world system in the nearest future. An interview with Piotr Dutkiewicz, Professor of Political Science at Carleton University (Ottawa, Canada). *RUDN Journal of Political Science*. 2018; 20 (2): 139–147. doi: 10.22363/2313-1438-2018-20-2-139-147
- [4] Bauman Z. *Liquid times: living in an age of uncertainty*. 1st ed. Cambridge: Polity; 2006.
- [5] Bauman Z. *44 Letters from the Liquid Modern World*. 1st ed. Cambridge: Polity; 2010.
- [6] Dutkiewicz P., Kazarinova D.B. Fear as politics. *Polis. Political Studies*. 2017; 4: 8–21. (In Russ.). doi: 10.17976/jpps/2017.04.02
- [7] Krastev I. Anti-liberal revolution in Eastern Europe. *Russia in global affairs*. 2018; Apr. 25. URL: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Antiliberalnaya-revoljuciya-v-Vostochnoi-Evrope-19535>. (In Russ.). Accessed: 15.02.2020.
- [8] Haass R. How a world order ends and what comes in its wake. *Foreign Affairs*. 2019; Jan./Feb. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2018-12-11/how-world-order-ends>. Accessed: 16.02.2020.
- [9] Bauman Z. *Liquid Modernity*. Cambridge: Polity; 2000.
- [10] Malashenko A. *Will there be order in the world?* DOC Research Institute. 2018. Nov. 14. URL: <https://doc-research.org/ru/2018/11/состоится-ли-порядок-в-мире>. (In Russ.). Accessed: 16.02.2020.
- [11] Dutkiewicz P., Scholte J.A., Casier T. *Hegemony and world order: reimagining power in global politics*. London: Routledge. Forthcoming 2021.
- [12] Dutkiewicz P. *(Re)inventing hegemonies*. DOC Research Institute. 2018 Nov. 7. URL: <https://doc-research.org/aug19/2018/11/reinventing-hegemonies>. Accessed: 14.02.2020.
- [13] Dutkiewicz P. *Chaos, fear, and hegemony: Equality and efficiency in the international order*. DOC Research Institute. 2019 Jul. 31. URL: <https://doc-research.org/aug19/2019/07/equality-efficiency-international-order>. Accessed: 19.02.2020.
- [14] Scholte J.A. Reinventing global democracy. *European Journal of International Relations*. 2014; 20 (1): 3–28.
- [15] Scholte J.A. *Hegemony and its practices in world politics*. DOC Research Institute. 2018; Sept. 24. URL: <http://doc-research.org/aug19/aug19/2018/09/hegemony-practices-world-politics>. Accessed: 18.02.2020.

- [16] Silver B.J. Cycles of hegemony and labor unrest in the contemporary world system. In: Bornschieer V., ed. *Conflicts and new departures in world society*. London: Routledge, 2018: 339–359.
- [17] Chebankova E. *Western liberalism and Russian left conservatism in search of international hegemony*. ECNU/DOC Conference; April, 2019; Shanghai. (Unpublished).

Информация об авторе:

Дуткевич Пиотр – доктор политических наук, профессор, директор Центра государственного управления и общественной политики, Карлтонский университет (Канада) (ORCID ID: 0000-0001-9749-9116) (e-mail: piotr.dutkiewicz@carleton.ca).

Information about the author:

Piotr Dutkiewicz – PhD in Political Science, Professor of Political Science and Director, Centre for Governance and Public Management, Carleton University (Canada) (ORCID ID: 0000-0001-9749-9116) (e-mail: piotr.dutkiewicz@carleton.ca).